

Феномен и его субъект.
Проблема «принимающего»
в философии Жана-Люка Мариона

Федор А. Докучаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dokuchaev.f@gmail.com*

Аннотация. Проблема отношения субъекта и феномена находится в центре любого современного феноменологического проекта, стремящегося раздвинуть рамки феноменологии. Одной из самых важных новаций в феноменологии последних лет является концепция дара французского феноменолога Жана-Люка Мариона. В рамках настоящей статьи анализируется центральное понятие его философии – «принимающий» (l'adonné). В качестве точки опоры используется его работа «Будучи данным». Рассматривается понятие «одаряемый» и контекст его возникновения. Анализируется переход от описания «одаряемого» к описанию «принимающего». Излагается критика классического понятия субъекта в работе Жана-Люка Мариона. Рассматриваются четыре характеристики «принимающего»: призыв, удивление, общение и фактичность. Описано взаимодействие «принимающего» с насыщенными феноменами, доминирующими над субъектом. В завершение статьи приводятся критические замечания Клода Романо, а также критика Шейна Маккинли в контексте интерпретации им работы Жана-Люка Мариона. Шейн Маккинли находит проблематичными концепт насыщенных феноменов и чрезмерную пассивность субъекта в концепции Мариона. Наличие насыщенных феноменов как парадигм для любого другого феномена плохо согласуется с регулярностью обыденного опыта, а пассивный субъект слабо совместим с феноменологическим методом, к которому обращается Марион. В качестве преодоления возникших проблем внутри концепции Мариона предложено расширить ее с помощью обращения к герменевтическому уровню восприятия феномена. Проектом, продолжающим интенции Мариона, но лишенным проблем его философии, предлагается считать «событийную герменевтику» Клода Романо.

Ключевые слова: субъективность, феноменологическая герменевтика, французская феноменология, пассивность

Для цитирования: Докучаев Ф.А. Феномен и его субъект. Проблема «принимающего» в философии Жана-Люка Мариона // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 61–73. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-61-73

Phenomenon and his subject. The concept of the recipient in the philosophy of Jean-Luc Marion

Fedor A. Dokuchaev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dokuchaev.f@gmail.com*

Abstract. The issue of the subject and phenomenon relation lies in foundation of every contemporary phenomenological project, tending to extend the field of the phenomenology. The concept of the gift of the French phenomenologist Jean-Luc Marion is one of the most important innovations in the contemporary phenomenology. In the article, the central concept of his philosophy is analyzed – “recipient” (l’adonné). It is based on his book “Being Given”. The notion of a donee is analyzed as well as context of its introduction. The transition from the description of the done to the description of the recipient is analyzed. Marion’s critique of the classical notion of the subject is explored. Four main characteristics of the recipient are described: summons, surprise, interaction and the facticity. Connection between the recipient and the saturated phenomena dominant over the subject is explored. The article concludes with criticisms of Claude Romano, as well as criticism of Shane McKinley in the context of his interpretation of the work of Jean-Luc Marion. Shane McKinley finds the concept of saturated phenomena and the excessive passivity of the subject in Marion’s concept problematic. The saturated phenomena, as the paradigms for any ordinary phenomena, their true form, cannot explain the regularity of the ordinary experience. The passive subject is hardly compatible with the phenomenological method, that Marion tries to use.

To overcome the questions that have arisen within the concept of Marion, it is proposed to expand it by referring to the hermeneutic level of perception of the phenomenon. It is proposed to consider Claude Romano’s “eventual hermeneutics” as a project that continues the intentions of Marion, but is devoid of the shortcomings of his philosophy.

Keywords: subjectivity, phenomenological hermeneutics, French phenomenology, passivity

For citation: Dokuchaev, F.A. (2020), “Phenomenon and his subject. The concept of the recipient in the philosophy of Jean-Luc Marion”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 61–73, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-61-73

Введение

Одной из классических философских проблем, широко обсуждаемых в современной философии, является проблема солипсизма. Феноменология, как постметафизическая дисциплина, избегает коварного вопроса о существовании внешнего мира. В самом деле, основная методологическая установка феноменолога предполагает отказ от суждений о существовании, анализ всех феноменов как данных, а не существующих или не существующих.

Однако проблема замкнутости Я возвращается в феноменологию с другой стороны – насколько воспринимаемые феномены зависят от активности воспринимающего субъекта? И в какой степени он сам формируется воспринимаемыми феноменами? Допустив, что каждый феномен является благодаря интенциональному акту сознания, активности субъекта, мы неразрывно связываем саму возможность явления с субъективностью. И если пространственные и временные феномены вполне можно понимать так, то феномены религиозные, заведомо трансцендентные, остаются вовсе вне рассмотрения феноменологии – дисциплины, претендующей на всеохватность. Именно попытки расширить поле феноменологической работы являются одной из важнейших движущих сил современной феноменологии. И каждый такой проект сталкивается с необходимостью нового продумывания отношения субъекта и феномена.

Радикальное решение этого вопроса предлагается в философии Жана-Люка Мариона, одного из ярчайших представителей французской (пост)феноменологии¹, работающий на стыке теологии и философии². Его работы, как и труды Мишеля Анри, были причислены Домиником Жанико к «теологическому повороту» во французской философии (Janicaud 1991). Чем же так значим этот поворот и почему он считается даже опасным для феноменологии? Воспроизведем основную линию критики. Во-первых, «новые феноменологи» пытаются не просто исследовать то, что дано в опыте, но задавать вопросы об основании этого опыта, искать прафеномены, нечто трансцендентное самому опыту. Тем самым они выходят за границы феноменологического метода. Во-вторых, ставя своей

¹ Здесь мы пользуемся термином, введенным А.В. Ямпольской. (Пост) феноменология претендует не на полное преодоление феноменологии, а на открытие новых горизонтов дисциплины. См.: [(Пост)феноменология 2014].

² О влиянии концепций Мариона на современную теологическую мысль можно прочесть, например, в [Коначёва 2019].

целью прежде всего исследование «глубоких» феноменов, они сознательно отказываются от горизонтов субъективности, рамок, в которых нам дается этот феномен. Таким образом, субъект в феноменологии Гуссерля и даже Хайдеггера, субъект как центральное звено всего феноменологического проекта, радикально отличается от подчиненного феноменам субъекта (пост)феноменологии.

В 1998 году Жан-Люк Марион опубликовал книгу «Будучи данным» (*Etant donné*) [Marion 1998], где он наиболее фундаментально проработал свой феноменологический проект и ответил на некоторые критические замечания Доминика Жанико. Именно ее мы возьмем за основу в своем изложении понятия «принимающий» (*l'adonné*), следующего в феноменологии Мариона «трансцендентальному эго» Гуссерля и “*Dasein*” Хайдеггера. Затем мы рассмотрим современную критику этого понятия, обратившись к статьям Клода Романо и книге Шейна Маккинли «Интерпретируя избыток: Жан-Люк Марион, насыщенные феномены и герменевтика» [Mackinlay 2010].

От «одаряемого» к «принимающему»

Теме «принимающего» посвящена пятая книга “*Etant donné*”. Мы не будем останавливаться на всех критических замечаниях Мариона, чтобы уделить больше внимания позитивному описанию «принимающего» и его ключевым характеристикам: способности слышать зов (*l'appel*) и отвечать на него. И, конечно, мысль Мариона невозможно понять, не учитывая его главной интенции – дать феномену показать себя из себя самого.

Поскольку «Понятие феномена» как дающего самого себя из самого себя (*soi*) требует отказа от трансцендентальной претензии Я, которое теперь предстает скорее как простой свидетель или получатель феномена. Здесь Марион привносит две языковые новации. Во-первых, смена именительного падежа (кто получил?) на дательный (кому было дано?). Этот падеж указывает как на смену оптики, так и на исчезновение контролирующей инстанции Я, агента, влияющего на являемое. Во-вторых, возникает первый термин, описывающий десубъективированное Я. Марион сперва избегает называть получателя «кем-то» (*qui*) или «чем-то» (*quoi*); вместо этого он использует юридический оборот получателя дарения (*l'attributaire de la donation*) или одаряемого³. Одаряемый не

³ В дальнейшем “*l'attributaire*” будет даваться как «одаряемый», в духе русской юридической традиции, дабы сохранить особенность языка Мариона.

только не предшествует феномену (в отличие от субъекта), но и больше того – он не претендует ни на обладание феноменом, ни на способность его производить. Одаряемый, возникая после субъекта, существует для того, чтобы феномен проявить (*procéder*).

После субъекта – в двух смыслах. Во-первых, чтобы быть одаряемым, нужно чтобы что-то было подарено, одаряемый не существует до дара. Во-вторых, одаряемый как концепт замещает философский концепт субъекта, под которым подразумевается нововременной концепт, отождествляющий субъективность и мышление.

Пассивность одаряемого распространяется и на его генезис. Субъект конституирует самого себя, одаряемый же «воспринимает себя из данного [ему] феномена и из него одного» [Marion 1998, p. 361]. Что это за феномены? В рамках своего изложения Марион выделяет два больших класса: феномены, данные как таковые (*en tant que tel*), и феномены, данные в качестве насыщенных (*en tant que saturé*). Последовательный анализ возникновения одаряемого при встрече с феноменом должен привести, в конце концов, к предельному концепту – принимающему.

Марион начинает свое конструирование концепта одаряемого, исходя из картезианской оптики. Декарт проводит четкую границу между объектом мысли, познаваемым, исчисляемым, состоящим из первичных сущностей и объектом чувства. Объект мысли, сводящийся к «формуле, количеству и координатам», Марион называет «бедной данностью», не обладающей полнотой феноменальности. Но прежде всего такой объект дан чувству, *моему* чувству. «Что это за Я (*moi*), которое здесь подразумевается?» [Marion 1998, p. 363] – задает вопрос Марион. «Мое» ощущение характеризуется не пассивностью, неуверенностью и субъективностью чувственного опыта; но феноменологической *привилегией* – неопровержимой, аннулирующей (*dirimant*), абсолютной. Оно одно воспринимает феноменальность во всей своей полноте – в том числе феноменальность своей собственной данности. «Я», ощущающее «чувством», теряет свою конституирующую способность, только чтобы вернуть восприимчивость к манифестации того, что себя показывает («мне», «кому»). Данность феномена завершается одаряемым через его превращение в манифестацию [Marion 1998, p. 364], но сам феномен превращением не затронут.

Эта способность превращать, отождествляемая Марионом с восприимчивостью, является первым из двух ключевых качеств одаряемого, которые выделяет философ. Одаряемый трансформирует данность в манифестацию, дает тому, что дается, возможность показаться – первичную форму. Марион сравнивает одаряемого

с призмой или фильтром, который дает явиться первичной видимости – поскольку не стремится ее произвести. Вместо этого одаряемый подчиняется⁴, не вмешиваясь и не изменяя данность. Однако вторая – и самая главная задача одаряемого – представить миру то, что было ему дано. Только некто (а не нечто) может принять всю полноту роли одаряемого и представить миру то, что дается, таким образом, что оно показывается миру. Потому в полном смысле одаряемый может быть только кем-то (*qui*), а не чем-то, утверждает Марион, ведь представляться феномен может только сознанию, видимое – взгляду.

Второе ключевое качество одаряемого напрямую связано с его рождением. Одаряемый не предшествует тому, что он формирует в своем взгляде. Только воздействие того, что дается, заставляет возникнуть как первичную видимость, так и экран, на котором оно становится видимо. В этом Жан-Люк Марион, как нам кажется, ключевым образом отличается от Канта и классического трансцендентализма – условия возможности видения возникают в результате столкновения с видимым, даже в момент столкновения с ним. На этом уровне картезианское противопоставление чувства и мысли начинает терять свое значение. «Изначально воспринимающая мысль» существует даже до различения на Я и воспринимаемый феномен, до всякой конституированной феноменальности, пишет Марион [Marion 1998, p. 366]. Отношение одаряемого и феномена радикализуется тогда, когда феномен дается в качестве насыщенного. Воздействие феномена приобретает характер *зова* (*l'appel*), а одаряемый становится *принимающим* (*l'adonné*).

Зов не принадлежит бытию, Богу или другому авторитету, он требует, чтобы его описывали исходя из него самого. Самого зова достаточно, чтобы создать своего собеседника, то есть одаряемого. Зов возникает в развороте интенциональности, подобно «контр-интенциональности» Левинаса. Марион переформулирует в собственных терминах этическое значение лица Другого, описываемое Левинасом. Взгляд лица другого обязывает меня ему ответить: «Лицо провоцирует меня как принимающего» [Marion 1998, p. 368].

Зов характеризует всякий насыщенный феномен как таковой. Сама видимость явления возникает из обратной направленности

⁴ Тут, как кажется, Жана-Люка Мариона несколько подводит язык – слово *interférence* (вмешательство), от которого отказывается одаряемый, также обозначает процесс разложения света в тонкой пленке мыльного пузыря или кусочке стекла, иначе говоря, той самой призме, с которой начинается метафора в этом предложении.

интенциональности – следуя пара-доксу, противоявлению (*contre-raence*), видению вопреки намерению увидеть (*visée*). Здесь Марион вновь подчеркивает, что зов должен быть свободен от намерения субъекта, его взгляда. Данность дает себя помимо воли, она становится видна вопреки желанию субъекта – как слепящее солнце может помешать увидеть человека на горизонте. Именно такой, избыточный феномен, Марион называет насыщенным (*saturé*).

Зов феноменологически учреждает неданного, согласно четырем свойствам его собственной манифестации: призыву (*convocation*), удивлению (*surprise*), общению (*l'interlocution*) и фактичности (*la facticité*), которая у Мариона практически отождествляется с индивидуацией [Marion 1998, p. 369]. Рассмотрим их последовательно.

Во-первых, призыв (*la convocation*). Он превращает «Я» в «меня», именительный падеж переходит в дательный. Призыв – подавляющая сторона зова. Воспринявшему его собеседнику (*l'interloqué*) необходимо соотнести себя с ним в двойном смысле: сместиться и подчиниться. Он должен отказаться от автаркии, самопозиционирования и самоосуществления и вместо этого начать идентифицировать себя с собой измененным, уже услышавшим. Субъективность подчиняется идентичности в корне измененной, позванной.

Во-вторых, удивление (*la surprise*). В удивлении смешиваются два момента: переход функции подавления от субъекта к феномену и отказ от объективирующего понимания. Собеседник, застигнутый призывом, осознает себя захваченным и подавленным его превосходством (*emprise*). Но это превосходство определяет его тем радикальнее, что ее собственное начало остается (или может остаться) неопределенным. Таким образом, принимающий обращает все свое внимание на объект, по сути своей ускользающий, и тем самым открывается пустому пространству (промежутку, *écart vide*). Непознаваемая пустота источника феномена, не видимая для принимающего, как нам кажется, родственна апофатической теологии – источник остается непознаваемым, даже если его эффект потрясает.

В-третьих, общение (*l'interlocution*). Марион употребляет этот термин, чтобы обозначить ситуацию радикального неравенства, в которой принимающий находит себя позванным в качестве того, к кому обращено слово. Я получаю *себя* от зова, который дает меня мне самому, прежде чем дать мне свою собственную сущность. Как пишет Марион, речь здесь идет о понимании себя «в дательном падеже», который здесь уже «почти не отличается от аблатива» [Marion 1998, p. 371]. Что означает этот переход? Если раньше мы

говорили об одном феномене, который был дан *мне*, то теперь – об открытии *мною* «всех других данностей», открытию мною «инаковости» (*l'alterité*). Это качество позволяет Мариону избавить принимающего от призрака солипсизма: «общение открывает даже неопределенному и анонимному другому» [Marion 1998, p. 372].

Наконец, фактичность (*la facticité*). Нет ни одного смертного (*mortel*), который не был бы затронут зовом, утверждает Марион. Эту «неизлечимую фактичность» французский философ связывает с речью (*la parole*). Человек одарен даром речи, но этот дар всегда изначально приходит к нему от другого, когда своей речи еще нет. Речь всегда возвращается к умению слушать, пишет Марион, – «слушать речь другого, речь изначально и навсегда непонятную, в которой нет ни смысла, ни значения – разве что сама инаковость инициативы, чистый факт которой дается впервые» [Marion 1998, p. 372]. Удивительно, что в качестве примера фактического выступает именно речь – будто бы забывая о борьбе с классическим понятием субъекта, французский философ утверждает: «человек удостоен звания смертного (или, что здесь равнозначно, животного), наделенного речью» [Marion 1998, p. 372], возвращая нас в поле классической философии. Однако важность фактичности, обнаруживаемой зовом, состоит в том, что принимающий обнаруживает себя изначально безъязыким. Как пишет Марион, «моя единственная индивидуация или самость (*ipseité*) располагаются лишь в фактичности, к которой меня обязывает изначально услышанная речь зова, не произнесенная мной» [Marion 1998, p. 374].

Подведем предварительные итоги. Классическая теория субъекта, по мнению Мариона, страдала от неспособности вписать в свою картину независимый феномен, дающий себя, исходя из самого себя, неподвластный трансцендентальным категориям. Кроме того, такой субъект лишен идентичности, представляя из себя пустую форму, и не способен справиться с солипсизмом. Решением является концепт одаряемого, в пределе – «принимающего». В отличие от классического субъекта, он не проецирует категории своего мышления на феномен, но прежде всего воспринимает его, служит как бы призмой для являющегося феномена. Воспринимая насыщенный феномен, он становится «принимающим». Последний не только воспринимает феномен, но и дает ему показаться миру. Его индивидуальность рождается из подверженности изначальному зову, формирующей субъекта речи другого, а открытость к радикально иному позволяет избежать опасности солипсизма.

Однако такая концепция преимущественно «пассивного» субъекта не могла остаться без критики. Хотя Марион и декларирует состояние между активностью и пассивностью, в его описаниях

практически нет примеров активного участия принимающего в восприятии феноменов.

Проблемы понятия «принимающего»

В этом разделе мы бы хотели вкратце представить две линии критики: критику понятия редукции, проведенной в статьях Клода Романо, и критику понятия «принимающего» в книге Шейна Маккинли. Камнем преткновения в обоих случаях оказывается не совсем ясное соотношение между активностью и пассивностью субъекта. Клоду Романо принадлежит критическая статья, непосредственно посвященная анализируемой нами работе Мариона – «Будучи данным». В «Замечаниях о феноменологическом методе в *Будучи данным*» [Romano 2000] Романо подробно останавливается на значении редукции для феноменологического метода.

В качестве предварительного замечания он критикует опору на редукцию как на основной метод феноменологии. Так, Мартин Хайдеггер упоминает редукцию как метод феноменологии лишь в одном курсе, и затем это понятие не появляется ни в «Бытии и времени», ни в более поздних работах. Это неспроста – редукция связана с субъектом. Онтологическое различие предшествует Dasein, субъект зависим от него. Вот почему Хайдеггер обозначает онтологическое различие как «фундаментальное событие» Dasein. Итак, редукция оказывается в высшей степени вторичной для аналитики Dasein и хайдеггерианского проекта феноменологии, которым во многом вдохновлялся Марион.

Далее Романо представляет три возражения против Марионовского понятия редукции.

Во-первых, редукция всегда связана с субъектом. Ведь если субъект может редуцировать феномен, феномен является зависимым от субъекта. И напротив – если феномен является совершенно независимым, его невозможно редуцировать.

Во-вторых, если данное не может никаким образом соизмеряться с субъектом, так что он не является мерилom данности, как он может помещать ее под операцию редукции? Ведь принцип Мариона гласит: феномен дан настолько, насколько он редуцирован, то есть он *не* дан до редукции.

И наконец, редукция никак не может быть согласована с понятием «зова», вводимой в четвертой части книги. Редукция происходит внутри субъекта, в ней нет ничего внешнего (и, добавим мы, является к тому же актом субъекта). Зов же является принципи-

ально внешним. Как внутренняя операция принимающего дает возможность появиться внешнему зову?

Это противоречие между активностью и пассивностью могло бы быть решено, если бы Марион употреблял понятие «редукция» иначе – например, связывая ее возникновение с явлением феномена, а не актом субъекта. Но в таком случае совершенно неясно, как речь может идти о методе, справедливо замечает Романо.

Отход от трансцендентального понимания редукции встречается у Жана-Люка Мариона и в других работах. Как нам кажется, он будто бы разрывается между феноменологической терминологией и (пост)феноменологическим содержанием своего собственного проекта.

Клод Романо как продолжатель Жана-Люка Мариона

Проект Клода Романо по созданию событийной герменевтики можно рассматривать как родственника концепции Мариона. Именно так этот проект предстает в труде Шейна Маккинли «Интерпретируя избыток: Жан-Люк Марион, насыщенные феномены и герменевтика».

Сперва обозначим позицию Маккинли по отношению к проекту «Будучи данным». Главная цель Мариона – помыслить чистую и абсолютную данность феномена. Он успешно решает ее, сменив доминирующую позицию субъекта на пассивную, страдательную. Но в погоне за концептуализацией абсолютно самостоятельного феномена Марион делает слишком большой акцент на данность как на акт, теряя медико-пассивный залог [Mackinlay 2010, p. 37]. Данность доминирует над субъектом, и это доминирование требует его пассивности. Проблемы начинаются, когда мы пытаемся ввести в эту конструкцию понятие насыщенного феномена. Как мы уже видели, насыщенный феномен настолько подавляет одаряемого, что, по сути, создает его заново – уже как «принимающего», и обращает его взгляд на себя. С учетом того, что сам Марион не раз подчеркивает банальность и даже парадигмальность насыщенного феномена, удивительно, что эти феномены встречаются так редко – или воздействуют на нас так слабо, что подлинное удивление и захваченность считаются чем-то особенным [Mackinlay 2010, p. 97]. Мир, описываемый Марионом, должен был бы постоянно атаковать субъекта и захватывать его, но этого не происходит. Как полагает Маккинли, это связано с игнорированием герменевтической составляющей в восприятии феноменов.

Клод Романо предлагает свое понимание субъективности. Несомненно, проекты Мариона и Романо схожи, что не устает отмечать Маккинли, но в концепции Романо пришествующий (*l'advenant*)⁵ всегда существует в жизненном мире, который порой радикально переворачивается и переустраивается безосновным и иным событием. В момент подобного переворота происходит изменение смысла, превращение одного смысла мира в другой. Пришествующий у Романо не является лишь призмой, экраном для пассивного восприятия данностей. Он обладает своим герменевтическим горизонтом, пространством ожидаемых и привычных событий и смыслов. Для Маккинли концепция Романо является более выигрышной – ведь в ней сохраняется активность субъекта, наличествуют радикально иные феномены, и не возникает проблем с объяснением исключительного характера описываемой Марионом «захваченности».

Заключение

Феноменологическая философия с необходимостью должна прояснять отношение феномена и субъекта, данность и условие данности. Эта корреляция лежит в основе феноменологического метода – сама редукция, как показывает Клод Романо, предполагает активность субъекта. Субъект, однако, не может быть единственным условием данности феномена. Сам феномен должен обладать самостоятельностью, возможностью дать себя, чтобы было мыслимо феноменальное поле «по ту сторону субъекта» – открывающееся, а не открытое, формирующее, а не формируемое. Концепция «принимающего» (*l'adonné*) в философии Жана-Люка Мариона рождается из попытки раскрыть это отношение.

Работы французского философа открыли новую веху в феноменологической традиции и повлияли на множество его современников. Вместе с тем их сложность и концептуальная насыщенность вызывает трудности в интерпретации этих работ. Богатое описание «одаряемого» (*l'attributaire*) и его радикализация в понятии «принимающего» порой ставит больше вопросов, чем дает ответов. Исследование вновь упирается в соотношение активности и пассивности субъекта по отношению к воспринимаемым феноменам. Сам Марион, кажется, считает, что описанный им «принимающий» не является полностью пассивным, а феноменологический метод, которого он придерживается, подразумевает активность субъекта.

⁵Мы пользуемся переводом Р. Лошакова [Романо 2017].

Однако описания «принимающего» как экрана, захваченным явившимся и превосходящим его феноменом, не оставляют большого простора для разработки теории если не активного, то медиа-пассивного субъекта. Выходом из этого противоречия может быть выделение уровня интерпретации в восприятии феномена, который помогал бы объяснить как использование феноменологической методологии, так и воспринимаемую стабильность мира, в котором – если принимать концепцию Мариона – должны царствовать доминирующие феномены. Вслед за Шейном Маккинли мы считаем плодотворной попыткой такой модификации событийную герменевтику Клода Романо.

Литература

- Коначѐва 2019 – *Коначѐва С.А.* Бог после Бога. Пути постметафизического мышления. М.: РГГУ, 2019. 242 с.
- (Пост)феноменология 2014 – (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. 288 с.
- Романо 2017 – *Романо К.* Авантюра времени / Пер. с фр. Р. Лошакова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 160 с.
- Janicaud 1991 – *Janicaud D.* Le tournant théologique de la phénoménologie française. Paris: L'Eclat, 1991. 95 p.
- Marion 1998 – *Marion J.-L.* Étant Donnée. Essai d'une phénoménologie de la donation. Paris: PUF, 1998. 452 p.
- Mackinlay 2010 – *Mackinlay Sh.* Interpreting excess: Jean-Luc Marion, saturated phenomena, and hermeneutics. NY: Fordham University Press, 2010. 283 p.
- Marion 2003 – *Marion J.-L.* Le Phénomène érotique. Paris: Grasset, 2003. 280 p.
- Romano 2001 – *Romano C.* Remarques sur la méthode phénoménologique dans Étant Donnée [Электронный ресурс] // Annales de philosophie, vol. 21, Beyerhuth, Université Saint-Joseph, 2000, p. 7-14. URL: https://www.academia.edu/2763420/Remarques_sur_la_m%C3%A9thode_ph%C3%A9nom%C3%A9nologique_dans_%C3%A9tant_donn%C3%A9_de_Jean-Luc_Marion (дата обращения 5 мая 2020).

References

- Konacheva, S.A. (2019), *Bog posle Boga. Puti postmetafizicheskogo myshleniya* [God after God. Paths of postmetaphysical thinking], RGGU, Moscow, Russia.
- Sholokhova, S.A. and Yampol'skaya, A.V. (comp.) (2014), *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology. New phenomenology in France and beyond], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.

- Janicaud, D. (1991), *Le tournant théologique de la phénoménologie française*, L'Eclat, Paris, France.
- Marion, J.-L. (1998), *Étant Donné. Essai d'une phénoménologie de la donation*, PUF, Paris, France.
- Mackinlay, Sh. (2010), *Interpreting excess: Jean-Luc Marion, saturated phenomena, and hermeneutics*, Fordham University Press, New York, USA.
- Romano, C. (2000), "Remarques sur la méthode phénoménologique dans *Étant Donné*", *Annales de philosophie*, 2000, T. 21, pp. 6-14, [Online], available at: https://www.academia.edu/2763420/Remarques_sur_la_m%C3%A9thode_ph%C3%A9nom%C3%A9nologique_dans_Etant_donn%C3%A9_de_Jean-Luc_Marion (Accessed 5 May 2020).
- Marion, J.-L. (2003), *Le Phénomène érotique*, Grasset, Paris, France.
- Romano, C. (2017), *Avantyyura vremeni* [The adventure of time], Loshakova, R. (transl. from French), RIPOL klassik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Федор А. Докучаев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dokuchaev.f@gmail.com

Information about the author

Fedor A. Dokuchaev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; dokuchaev.f@gmail.com